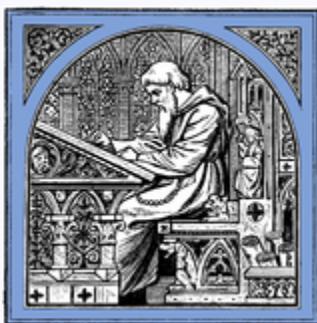

Странная история

автор Иван Сергеевич

Тургенев

Экспортировано из Викитеки 7 ноября 2024 г.

...Лет пятнадцать, тому назад, — начал г-н Х..., — обязанности службы заставили меня прожить несколько дней в губернском городе Т... Я остановился в порядочной гостинице, устроенной за полгода до моего приезда разбогатевшим портным из евреев. Говорят — она процветала недолго, что у нас весьма обыкновенно; но я застал ее еще в полном блеске: новые мебели стреляли по ночам как из пистолетов, постельное белье, скатерти и салфетки пахли мылом, а от крашенных полов несло олифой, что, впрочем, по мнению полового, человека весьма изящного, хоть и не совсем опрятного, препятствовало распространению насекомых. Половой этот, бывший камердинер князя Г., отличался развязностью обращения и самоуверенностью; ходил постоянно во фраке с чужого плеча и стоптанных башмаках, носил под мышкой салфетку и множество угрей на щеках и, свободно размахивая потными руками, произносил короткие, но внушительные речи. Он оказывал мне некоторое покровительство, как человеку, способному оценить его образованность и знание света; но на собственную судьбу взирал несколько разочарованным оком. «Известно, — сказал он мне однажды, — какое наше теперь положение? За хвост, да и на солнце!» Звали его Ардалионом.

Мне предстояло сделать несколько визитов чиновным лицам города. Тот же Ардалион достал мне коляску и лакея, одинаково развинченных и потертых; но на лакее

была ливрея, — а коляску украшали гербы. Окончив все официальные посещения, я заехал к одному помещику, старинному знакомому моего отца, с давних пор поселившемуся в городе Т... Я с ним лет двадцать не видался; он успел жениться, развести порядочное семейство, овдоветь и разбогатеть. Он занимался откупками, то есть ссужал откупщиков залогами за крупные проценты... «Риск — благородное дело!» Впрочем, и риску было мало. В течение нашей беседы в комнату нерешительными, но легкими шагами, словно на цыпочках, вошла девушка лет семнадцати, тоненькая и худенькая. «Вот, — сказал мне мой знакомый, — старшая моя дочь Софи, рекомендую; заменила мне покойницу; хозяйничает в доме, за братьями и сестрами наблюдает». Я вторично поклонился вошедшей девушке (она между тем молча опустилась на стул) и подумал про себя, что на хозяйку, на воспитательницу она мало похожа. Лицо у ней было совсем детское, круглое, с маленькими приятными, но неподвижными чертами; голубые глазки, под высокими, тоже неподвижными, неровными бровями, глядели внимательно — почти изумленно, точно они начали замечать что-то для них неожиданное; пухлый ротик с приподнятой верхней губой не только не улыбался, но, казалось, не имел этой привычки вовсе; на щеках нежными продолговатыми пятнами, не прибавляясь и не уменьшаясь, стояла розовая кровь, под тонкой кожей. Пушистые белокурые волосы висели легкими гроздьями с обеих сторон небольшой головы. Грудь дышала тихо, и руки как-то

неловко и строго прижимались к узкому стану. Голубое платье падало без складок — по-детски — на маленькие ножки. Общее впечатление, производимое этой девушкой, было не то чтобы болезненное, но загадочное. Я видел перед собою не просто робевшую провинциальную барышню, но существо с особенным, для меня неясным отпечатком. Оно меня не привлекало и не отталкивало; я его не вполне понимал и только чувствовал, что мне еще не удавалось встретить более искреннюю душу. Жалость, да! жалость возбуждала во мне эта молодая, серьезная, настороженная жизнь — бог ведает почему! «Не от земли сея», — думалось мне, хотя, собственно, в выражении лица не было ничего — «идеального» и хотя в гостиную mademoiselle Sophie, очевидна, появилась для того, чтобы исполнить роль хозяйки, на которую намекал ее отец.

Он начал говорить о жизни в городе Т..., об общественных удовольствиях и удобствах, доставляемых ею. «У нас смирно, — заметил он, — губернатор — меланхолик, губернский предводитель — холостяк. А впрочем, послезавтра в дворянском собрании большой бал. Советую съездить: здесь не без красавиц. Ну и всю нашу *интеллигенцию* вы увидите».

Мой знакомый, как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые. Он произносил их с иронией, но и с уважением. Притом известно, что занятие откупам, вместе с солидностью, развивало в людях некоторое глубокомыслие.

— Позвольте спросить, вы будете на этом бале? — обратился я к дочери моего знакомого. Мне хотелось услышать звук ее голоса.

— Папенька намерен поехать, — отвечала она, — и я с ним. Голос у ней оказался тихий и медленный, и выговаривала она каждое слово, точно недоумевала.

— В таком случае позвольте пригласить вас на первую кадрили. — Она наклонила голову в знак согласия, но и тут не улыбнулась.

Я вскоре удалился, и, помнится, взгляд ее глаз, пристально на меня устремленных, показался мне до того странным, что я невольно посмотрел себе через плечо, уж не видит ли она кого-нибудь или что-нибудь у меня за спиною?

Вернувшись в гостиницу и пообедав неизменным «суп-жульен», котлетами с горошком и просушенным до черноты рябчиком, я присел на диван и предался размышлениям. Предметом их была эта София, эта загадочная дочь моего знакомого; но убиравший со стола Ардалион растолковал по-своему мою задумчивость: он приписал ее скуке.

— Оченно у нас в городе мало развлечения для господ проезжающих, — заговорил он с обычной развязной снисходительностью, в то же время, продолжая похлопывать грязной салфеткой по спинкам стульев: это похлопывание, как известно, свойственно одним лишь образованным слугам. — Очень мало! — Он помолчал, а

громадные стенные часы, с лиловой розой на белом циферблате, своим однообразным и сиπлым чиханием тоже как бы подтверждали его слова. «О... чень! о-чень!» — щелкали они. Ни концертов никаких, ни театров, — продолжал Ардалион (он ездил с своим барином за границу и чуть ли не побывал в Париже; он хорошо знал, что одни мужики говорят: киятр), — ни танцев, например, или вечерних приемов между господами дворянами, ничего этого не существует. (Он остановился на мгновение, вероятно, для того, чтобы дать мне заметить отборность своего слога.) — Даже друг друга видят редко. Сидит, каждый у себя на тычке, как «кетик» какой. И выходит, что заезжим посетителям деваться бывает — просто некуда.

Ардалион глянул на меня искоса.

— Разве вот что, — продолжал он с расстановкой. — В случае если имеется такое ваше расположение...

Он вторично глянул на меня и даже усмехнулся, но, должно быть, надлежащего расположения во мне не заметил.

Изящный слуга подошел к двери, подумал, вернулся и, помявшись немного на месте, нагнулся к моему уху и с игривой улыбкой промолвил:

— Не желаете ли вы мертвых видеть?

Я с изумлением посмотрел на него.

— Да, — продолжал он уже шепотом, — у нас есть тут такой человек. Из простых мещан и даже безграмотный,

а дела совершает чудные. Если, например, вы к нему отъядитесь и пожелаете увидеть какого ни на есть покойника из ваших знакомых, он вам его непременно покажет.

— Каким же это образом?

— Это уж его секрет. Потому, хотя он и человек безграмотный, прямо сказать, бессловесный, но в божественности очень силен! Большое от купечества к ним уважение!

— И всем это в городе известно?

— Кому нужно — знают-с; ну, а конечно, от полиции опасение соблюдается. Потому, что ни толкуй, дела все-таки запрещенные, и для простого народа — соблазн; простой народ — чернь, значит, известно — сейчас в кулаки!

— Вам он мертвецов показывал? — спросил я Ардалиона. Такого образованного смертного я не решался «тыкать».

Ардалион качнул головою.

— Показывал-с; родителя как живого представил.

Я уставился на Ардалиона. Он посмеивался и поигрывал салфеткой — и снисходительно, но с твердостью поглядывал на меня.

— Да это очень, любопытно! — воскликнул я наконец. — Нельзя ли мне с этим мещанином познакомиться?

— С ними прямо никак нельзя-с; а через ихнюю маменьку нужно действовать. Старушка почтенная; на мосту мочеными яблоками торгует. Если прикажете, я ее спрошу-с.

— Сделайте одолжение.

Ардалион кашлянул в руку.

— И благодарность, какую вы положите, небольшую, разумеется, тоже ей вручить следует, той самой старушке. А я с своей стороны ей доложу-с, что: опасаться вас нечего, так как вы господин заезжий, барин — ну и, конечно, можете понимать, что сие есть тайна, и, до неприятности ни в каком случае ее не доведете.

Ардалион взял поднос в одну руку и, грациозно виляя и собственным станом и подносом, направился к двери.

— Так я могу на вас надеяться? — крикнул я ему вслед.

— Будьте благонадежны! — раздался его самоуверенный голос. — Побеседуем со старушкой и ответ вам передадим в аккурате.

Не стану распространяться о том, какие мысли возбудил во мне необычайный факт, сообщенный Ардалионом; но готов сознаться, что с нетерпением ожидал обещанного ответа. Поздно вечером вошел ко мне, Ардалион и объявил свою досаду: он не мог отыскать старушку. Я все-таки, в видах поощрения, вручил ему трехрублевую бумажку. На следующее утро

он снова, и с радостным лицом, явился в мою комнату: старушка соглашалась на свидание со мною.

— Эй, мальчуга — крикнул Ардалион в коридор, — мастеровой! Поди-ка сюда! — Вошел младенец, лет шести, весь перепачканный в саже, как котенок, с остриженной, местами даже голой головой, в изорванном полосатом халате и огромных калошах на босу ногу. — Вот ты их проведешь, куда знаешь, — промолвил Ардалион, обращаясь к «мастеровому» и указывая на меня. — А вы, господин, как придете, спросите Мастридию Карповну.

Мальчик подал сиплый звук, и мы отправились.

Мы шли довольно долго по немощеным улицам города Т...; наконец в одной из них, едва ли не самой пустынной и унылой, мой вожатый остановился перед ветхим двухэтажным деревянным домиком и, утерев нос всем рукавом халата, проговорил:

— Здесь; направо ступайте.

Я вошел через крылечко в сени, толкнулся направо: низенькая дверь завизжала на ржавых петлях, и я увидел перед собою толстую старушку в коричневой, зайцем подбитой кацавейке и пестром платочке на голове.

— Мастридия Карповна? — спросил я.

— Она самая и есть, — отвечала мне старушка пискливым голоском. — Милости просим. На стульчик, не угодно ли?

Комната, в которую ввела меня старушка, была до того завалена, всяким хламом, тряпьем, подушками, перинами, мешками, что повернуться в ней почти не было возможности. Солнечный свет едва пробивался сквозь два запыленные окошка; в одном углу, за грудой наставленных друг на дружку коробов, слабо охал и жаловался... неизвестно кто: быть может, больной ребенок, а быть может — щенок. Я уселся на стул, а старушка стала прямо предо мною. Лицо у ней было желтое, полупрозрачное, как восковое; губы до того ввалились, что среди множества морщин представляли одну поперечную; клок белых волос торчал из-под головного платка, но воспаленные серые глазки умно и бойко выглядывали из-под нависшей лобной кости; а заостренный носик так и выдавался шилом, так и нюхал воздух: плут, мол, я! «Ну! ты баба не промах!» — подумалось мне; притом, же от нее пахло водочкой.

Я объяснил ей причину моего посещения, которая, впрочем, как я заметил, должна была ей быть известной. Она выслушала меня, быстро помаргивая глазами, и только еще вострее выдвинула свой нос, словно клюнуть им собиралась.

— Так-с, так-с, — заговорила она наконец, — Ардалион Матвейч нам сказывали-с, точно-с; вам сыночка моего, Васеньки, искусство понадобилось... Только сумлеваемся мы, государь мой...

— Отчего же? — перебил я. — На мой счет вы можете быть совершенно спокойны... Я не доносчик.

— Ох, батюшка вы мой, — поспешно подхватила старушка, — что вы это? Смеем мы про ваше благородие такое думать! Да и доносить-то на нас с какой стати? Разве мы что грешное затеваем? Не таковский мой сыночек, батюшка, чтобы ему на какое нечистое дело согласиться... или каким колдовством баловаться... Да сохрани бог, мать пресвятая богородица! (Старушка три раза перекрестилась.) По всей губернии первый постник и молещик; первый, батюшка вы мой, ваше благородие! А это точно: милость его посетила великая. Что ж! Это дело не его рук. Это, голубчик мой, свыше; да.

— Так вы согласны? — спросил я. — Когда я могу с вашим сыном повидаться?

Старушка опять заморгала глазами и раза два перепихнула скатанный носовой платок из рукава в рукав.

— Ох, государь мой, государь мой, сумлеваемся мы...

— Позвольте, Матридия Карповна, вручить вам следующее, — перебил я ее и подал ей десятирублевую бумажку.

Старушка тотчас схватила ее своими пухлыми кривыми пальцами, напоминавшими мясистые когти совы, проворно засунула ее в рукав, подумала немного и,

как бы внезапно решившись, хлопнула себя обеими ладонями по ляжкам.

— Приходи сюда сегодня вечером, в восьмом часу, — заговорила она не своим обычным, а другим, более важным и тихим голосом, — только не в эту комнату, а прямо изволь подняться во второй этаж; и будет тебе дверь налево, и ты ту дверь отвори; и войдешь ты, ваше благородие, в пустую комнату, и в той комнате увидишь стул. Сядь ты на этот стул и жди; и что бы ты ни видел, никаких слов не произноси и не делай ничего; и с сыночком моим тоже не изволь разговаривать; потому — он еще млад, да он же у меня в падучке. Испугать его очень легко: затрепещется, затрепещется словно цыпленок какой... беда!

Я посмотрел на Матридию.

— Вы говорите, он молод, но коли он ваш сын...

— По духу, батюшка, по духу! Много у меня сирот-то! — прибавила она, мотнув головою в направлении угла, откуда раздался жалобный писк. — О-ох, господи, боже ты мой, пресвятая мать богородица! А вы, батюшка мой, ваше благородие, прежде чѐм сюда пожалуете, извольте-ка подумать хорошенько, кого вам из ваших покойных сродственников или знакомых — царство им небесное! — увидеть желательно. Переберите своих покойничков, и которого выберете, так уж его в уме держите, все держите, пока сыночек придет!

— А разве я не должен сказать вашему сыну, кого именно...

— Ни, ни, батюшка, ни единого слова. Он сам в ваших мыслях откроет, что ему нужно. А вы только знакомца вашего хорошо...енько в уме держите; да за обеденным столом винца выпейте стаканчика два, три; винцо никогда не мешает. — Старуха рассмеялась, облизнулась, провела рукою по рту и вздохнула.

— Так в половине восьмого? — спросил я, поднимаясь со стула.

— В половине восьмого, батюшка, ваше благородие, в половине восьмого, — успокоительно отвечала Матридия Карповна.

Я простился со старухой и вернулся в гостиницу. Я не сомневался в том, что меня собирались одурачить, но каким образом? Вот что возбуждало мое любопытство. С Ардалионом я поменялся всего двумя, тремя словами.

— Допустила? — спросил он меня, нахмутив брови, и на мой утвердительный ответ воскликнул: — Баба министр!

Я принялся, по совету «министра», перебирать своих покойничков. После довольно долгих колебаний я остановился наконец на одном давно умершем старичке, французе, бывшем моем гувернере. Я выбрал именно его не потому, чтобы чувствовал особенное к нему влечение; но вся фигура его была так оригинальна, так не походила на современные фигуры, что подделаться под нее было

совершенно невозможно. Он имел огромную голову, зачесанные назад пушистые белые волосы, густые черные брови, крючковатый нос и две большие бородавки лилового цвета посередине лба, носил зеленый фрак с медными гладкими пуговицами, полосатый жилет со стоячим воротником, жабо и маншеты. «Коли он мне моего старика Дессера покажет, — подумал я, — ну, надо будет согласиться, что он колдун!»

За обедом я, по совету старухи, выпил бутылку лафиту первейшего сорта, по уверению Ардалиона, но с сильнейшим вкусом жженой пробки и с густым осадком сандала на дне каждой рюмки.

Ровно в половине восьмого я находился перед домом, в котором беседовал с почтенной Матридией Карповной. Все ставни окон были заперты, но дверь была раскрыта. Я вошел в дом, взобрался по шаткой лестнице во второй этаж: и, отворив дверь налево, очутился, как мне предсказывала старушка, в совершенно пустой, довольно просторной комнате; сальная свечка, поставленная на подоконник, тускло ее освещала; у стены, напротив двери, стоял плетеный стул. Я снял со свечки, которая порядком успела нагореть, уселся на стул и начал ждать.

Первые десять минут прошли довольно скоро; в самой комнате решительно ничто не могло привлечь мое внимание; но я прислушивался к каждому шороху, внимательно глядел на закрытую дверь... Сердце билось. За первыми десятью минутами прошли другие; потом

полчаса, три четверти часа — и хоть бы что пошевелинулось кругом! Я несколько раз кашлянул, чтобы дать знать о моем присутствии; я начинал скучать, сердиться: *этаким* образом быть одураченным не входило в мои расчеты, Я уже собирался подняться со стула и, взяв свечку с окна, пойти вниз... Я посмотрел на нее, светильня опять нагорела грибом; но, отведши взоры от окна к двери, я невольно вздрогнул: прислонясь к этой самой двери, стоял человек. Он так проворно и без шума вошел, что я ничего не слышал.

На нем была простая синяя чуйка; росту он был среднего и довольно плотен. Закинув руки за спину и потупив голову, он уставился на меня. При тусклом свете свечки я не мог хорошенько разглядеть его черты: я видел только косматую гриву спутанных волос, падавших на лоб, да крупные, слегка искривленные губы, да белесоватые глаза. Я хотел было заговорить с ним, но вспомнил наставление Матридии и закусил губы. Вошедший человек продолжал глядеть на меня, я также глядел на него и, странное дело! в одно и то же время я почувствовал нечто вроде страха и, словно по приказанию, немедленно принялся думать о моем старом гувернере. *Тот* все стоял у двери и дышал усиленно, точно на гору взбирался или ношу поднимал, а глаза его как будто расширились, как будто приближались ко мне — и неловко мне становилось под их упорным, тяжелым, грозным взором; по временам эти глаза загорались зловещим внутренним огоньком;

подобный огонек замечал я у борзой собаки, когда она «воззрится» в зайца, и, подобно борзой собаке, *тот* весь устремлялся *своим* взором вслед за моим, когда я «делал угонку», то есть пробовал отвести глаза в сторону.

Так прошло не знаю, сколько времени: быть может, минута; быть может, четверть часа. Он все глядел на меня; я все ощущал некоторую неловкость и страх и все думал о французе. Раза два я попытался сказать самому себе: «Что за вздор! что за комедия!», попытался улыбнуться, пожать плечом... Напрасно! Всякое решение во мне тотчас «застывало», — я другого слова подобрать не умею. Мною овладевало какое-то оцепенение. Вдруг я заметил, что *тот* уже отделился от двери и стоял на шаг или на два ближе ко мне; потом он чуть-чуть подпрыгнул, обеими ногами разом, и стал еще ближе... Потом еще... потом еще; а грозные глаза так и упирались во все мое лицо, и руки оставались за спиною, и широкая грудь дышала усиленно. Мне эти прыжки показались смешными, но и жутко мне становилось, и, что я уже никак понять не мог, сонливость вдруг начала находить на меня. Веки мои слипались... косматая фигура с белесоватыми глазами — в синей чуйке задвоилась передо мной — и вдруг совсем исчезла!.. Я встрепенулся: *он* опять стоял между дверью и мною, но уже гораздо ближе... Потом он опять исчез — словно туман набежал на него; опять появился... исчез опять... появился опять... и все ближе, ближе — его трудное, почти храпевшее дыхание уже добегало до меня... Опять

надвинулся туман, и вдруг из этого тумана, начиная с белых, кверху приподнятых волос, явственно стала вырисовываться голова старика Дессера! Да; вот его бородавки, его черные брови, его нос крючком! Вот и зеленый фрак с медными пуговицами, и полосатый жилет, и жабо... Я вскрикнул, я приподнялся... Старик исчез, и на месте, его я снова увидел человека в синей чуйке. Он подошел, шатаясь, к стене, уперся в нее головой и обеими руками и, задыхаясь как запаленная лошадь, хриплым голосом проговорил: «Чаю!» Откуда ни возьмись, Матридия подскочила к нему и, приговаривая: «Васенька, Васенька», — принялась заботливо утирать пот, который так и струился с его волос и лица. Я было приблизился к ней, но она так убедительно, таким раздирающим голосом воскликнула:

— Ваше благородие! отец милостивый, не губите, уйдите, Христа ради! — что я повиновался; а она снова обратилась к своему сыночку. — Кормилец, голубчик, — успокаивала она его, — сейчас тебе будет чай, сейчас. Да и вы, батюшка, чайку у себя дома выкушайте! — крикнула она мне вслед. Вернувшись домой, я послушался Матридии и велел подать себе чаю; я чувствовал усталость — даже слабость.

— Ну что-с? — спросил меня Ардалион, — были-с? видели-с?

— Он мне точно показал что-то... чего я, признаюсь, не ожидал, — отвечал я.

— Великой премудрости человек! — заметил Ардалион, вынося самовар, — от купечества, к ним — ба-аль-шое уважение!

Ложась спать и размышляя о случившейся со мной истории, я наконец вообразил, что добился ее объяснения. Человек этот, несомненно, обладал значительной магнетической силой; действуя, конечно, непонятным "для, меня способом на мои нервы, он так ясно, так определенно возбудил во мне образ старика, о котором я думал, что мне, наконец, показалось, что я его вижу перед глазами... Науке известны подобные «метастазы» — перестановления ощущений. Прекрасно; но сила, способная производить такие действия, все-таки оставалась чем-то удивительным и таинственным. «Что ни говори, — думал я, — я видел, своими глазами видел покойного моего гувернера!»

На следующий день происходил бал в дворянском, собрании. Отец Софи заехал ко мне и напомнил мне приглашение, которое я сделал его дочери. В десятом часу вечера я уже стоял рядом с нею посреди залы, освещенной множеством медных ламп, и готовился выделывать немудреные па французской кадрили под громогласные завывания военного оркестра. Народу съехалось пропасть; особенно много было дам, и прехорошеньких; но пальма первенства между ними непременно осталась бы за моей дамой, если бы не несколько странный, несколько даже дикий ее взор. Я заметил, что она очень редко мигала; несомненное

выражение искренности в ее глазах не выкупало того, что в них было необычного. Но сложена она была прелестно и двигалась грациозно, хоть и застенчиво. Когда она вальсировала и, немного перегнув назад свой стан, наклоняла тонкую шею к правому плечу, как бы желая отдалиться от своего танцора, ничего более трогательно-молодого и чистого нельзя было себе представить. Она была вся в белом, с бирюзовым крестиком на черной ленточке.

Я пригласил ее на мазурку и постарался разговорить ее. Но она отвечала мало и неохотно, а слушала внимательно; с тем же выражением задумчивого изумления, которое поразило меня в первое мое свидание с нею. Никакой тени кокетства в ее лета, с ее наружностью, и отсутствие улыбки, и эти глаза, постоянно и прямо устремленные в глаза собеседника, — эти глаза, которые в то же время как будто видят что-то другое, чем-то другим озабочены... Что за странное существо! Не зная наконец, чем расшевелить ее, я вздумал рассказать ей мое вчерашнее приключение.

Она выслушала меня до конца с видимым любопытством, но, "чего я никак не ожидал, не удивилась моему рассказу и только спросила меня, не Василием ли зовут *его*? Я вспомнил; что старуха при мне называла его «Васенькой».

— Да; его имя Василий, — отвечал я, — разве вы его знаете?

— Здесь живет один богоугодный человек, которого зовут Василием, — промолвила она, — я подумала, не он ли?

— Богоугодность тут ни к чему, — заметил я, — это простое действие магнетизма — факт, интересный для докторов и естествоиспытателей.

Я принялся излагать свои воззрения на ту особенную силу, которую зовут магнетизмом, на возможность подчинения воли одного человека воле другого и т. п.; но мои, правда, несколько сбивчивые объяснения, казалось, не производили впечатления на мою собеседницу. Софи слушала, уронив на колени скрещенные руки с неподвижно лежавшим в них веером; она не играла им, она вообще не шевелила пальцами, и я чувствовал, что все мои слова отскакивали от нее, как от каменной статуи. Она понимала их, но у ней, видимо, были свои, незыблемые и неискоренимые убеждения.

— Не допускаете же вы, чудес! — воскликнул я.

— Конечно, допускаю, — спокойно промолвила она. — Да и как возможно не допускать их? Разве не сказано в Евангелии, что у кого на одно горчишное семя веры, тот может горы поднимать с места? Нужно только веру иметь, — чудеса будут.

— Видно, мало веры в наше время стало, — возразил я, — что-то не слышать про чудеса!

— Однако вот бывают же; вы сами видели. Нет; вера не перевелась в наше время; а начало веры...

— Начало премудрости страх божий, — перебил я.

— Начало веры, — продолжала Софи, нисколько не смутившись, — самоотвержение, уничтожение!

— Даже уничтожение? — спросил я.

— Да. Гордость человеческая, гордыня, высокомерие, вот что надо искоренить дотла. Вы вот упомянули о воле... ее-то и надо сломить.

Я окинул взором всю фигуру молоденькой девушки, произносившей такие речи... «А ведь этот ребенок не шутит!» — подумалось мне... Я взглянул на наших соседей по мазурке: они также взглянули на меня, и мне показалось, что мое удивление их забавляло; один из них даже улыбнулся мне сочувственно, как бы желая сказать: «А? что? какова у нас барышня-чудачка? Здесь все ее за такую знают».

— Вы попытались сломить свою волю? — обратился я снова к Софи.

— Всякий обязан делать то, что ему кажется правдой, — отвечала она каким-то догматическим тоном.

— Позвольте вас спросить, — начал я после небольшого молчания, — верите ли вы в возможность вызывать мертвых?

Софи тихо покачала головой.

— Мертвых нет.

— Как нет?

— Душ мертвых нет; они бессмертны и могут всегда явиться, когда захотят. Они постоянно окружают нас.

— Как? Вы полагаете, что, например, подле того гарнизонного майора, с красным носом, может в эту минуту витать бессмертная душа?

— Почему же нет? Солнечный свет освещает же его и его нос — а разве солнечный свет, всякий, свет; не от бога? И что такое наружность? Для чистого нет ничего нечистого! Лишь бы учителя найти! наставника найти!

— Да позвольте, позвольте, — вмешался я, признаюсь, не без злорадства. — Вы желаете наставника... а духовник ваш на что?

Софи холодно посмотрела на меня.

— Вы, кажется, хотите смеяться надо мною. Батюшка мой духовный говорит мне, что я должна делать; но мне нужен такой наставник, который сам бы мне на деле показал, как жертвуют собою!

Она подняла глаза к потолку. Своим детским лицом и этим выражением неподвижной задумчивости, тайного, постоянного изумления, она напоминала мне дорафаэлевских мадонн...

— Я читала где-то — продолжала она, не оборачиваясь ко мне и едва шевеля губами, — что один вельможа велел себя похоронить под папертью церковною для того, чтобы все приходившие люди ногами попирали его, топтали... Вот это надо еще при жизни сделать...

Бум! бум! тра-ра-рах! — гремели с хоров литавры... Признаюсь, подобный разговор на бале показался мне чересчур эксцентричным: он невольно возбуждал во мне мысли... свойства, совершенно противоположного религиозному. Я воспользовался приглашением моей дамы на одну из фигур мазурки, чтобы уже не возобновлять наших quasi^[2] богословских прений.

Четверть часа спустя я отвел mademoiselle Sepphie к ее родителю, а дня через два, я покинул город Т...., и образ девушки, с детским лицом и непроницаемой, точно каменной, душой скоро изгладился из моей памяти.

Минуло два года, и этому образу опять пришлось возникнуть предо мною. А именно: я разговаривал с одним сослуживцем, только что вернувшимся из поездки по южной России. Он прожил несколько, времени в городе Т... и сообщил мне кое-какие сведения о тамошнем обществе.

— Кстати! — воскликнул он, — ведь ты, кажется, хорошо знаком с В. Г. Б.?

— Как же, знаком.

— И дочь его, Софью, ты знаешь?

— Я видел ее раза два.

— Представь: сбежала!

— Как так?

— Да так же. Вот уже три месяца как без вести пропали. И удивительно то, что никто не может сказать,

с кем она сбежала. Представь, никакой догадки, ни малейшего подозрения! Она всем женихам отказывала. И поведения была самого скромного. Уж эти мне тихони да богомолки! Скандал по губернии ужасный! Б. в отчаянии... И какая ей была нужда бежать? Отец во всем исполнял ее волю. Главное, непостижимо то, что все губернские ловеласы налицо, все до единого.

— И ее до сих пор не отыскали?

— Говорят тебе, как в воду канула! Одной богатой невестой на свете меньше, вот что скверно.

Известие это меня очень удивило. Оно никак не вязалось с тем воспоминанием, которое я сохранил о Софии Б. Но мало ли чего не бывает!

Осенью того же года меня, опять-таки по служебным делам, судьба закинула в С...кую губернию, находящуюся, — как известно, рядом с губернией Т...ской. Погода, стояла дождливая и холодная; изнуренные почтовые лошаденки едва тащили мой легонький тарантас по растворившемуся чернозему большой дороги. Помнится, один день выдался особенно неудачный: раза три пришлось «сидеть» в грязи по ступицу; ямщик мой то и дело бросал одну колею и с гиканием и завыванием переползал в другую; но и в той не было легче. Словом, к вечеру я так измучился, что добравшись до станции, решил переночевать на постоялом дворе. Мне отвели комнатку с деревянным продавленным диваном, покривившимся полом, и оборванными бумажками по стенам; в ней пахло квасом,

рогожей, луком и даже скипидаром, и мухи роями сидели повсюду; но по крайней мере от непогоды можно было укрыться; а дождь; как говорится, зарядил на целые сутки. Я велел поставить самовар и, присев на диван, предался тем дорожным нерадостным думам, которые так знакомы путешественникам на Руси.

Они были прерваны тяжелым стуком, раздавшимся в общей избе, от которой моя комната отделялась дощатой перегородкой. Стук этот сопровождался отрывочным зычным бряцанием, подобным лязгу цепей, и внезапно гаркнул грубый мужской голос: «Благослови бог всех сущих у *дому сему*. Благослови бог!» «Благослови бог! Аминь, аминь, рассыпья!» — повторил голос, как-то нескладно и дико вытягивая последний слог каждого слова... Послышался шумный вздох, и грузное тело с тем же бряцаньем опустилось на лавку.

— Акулина! Раба божия, подь сюды! — заговорил опять голос, — зри, яко наг, яко благ... Ха-ха-ха! Тьфу! Господи боже мой, господи боже мой, господи боже мой, — загудел голос, как дьячок на клиросе, — господи боже мой, — владыка живота моего, воззри на окаянство мое... О-хо-хо! Ха-ха... Тьфу! А дому сему благодать в час седьмый!

— Кто это? — спросил я тароватую мещанку-хозяйку, вошедшую ко мне с самоваром.

— А это, батюшка вы мой, — отвечала она мне торопливым шепотом, — блаженный, божий человек. В наших краях недавно проявился; вот и нас посетить

изволил. В экую непогодь! Так с него, голубчика, ручьями и льет! И вериги, вы бы посмотрели, на нем какие — страсть!

— Благослови бог! Благослови бог! — раздался снова голос. — Акулина! А Акулина! Акулинушка, друг! И где наш рай? Рай наш прекрасный? В пустыне наш рай... рай... А дому сему, на почине веку сего... радости велии... о... о... о... — Голос забормотал что-то невнятное, и вдруг, вслед за протяжным зевком, опять послышался сиплый хохот. Хохот этот вырывался всякий раз как бы невольно, и всякий раз после него слышалось негодующее плевание.

— Эх-ма! Степаныча нет! вот наше горе-то! — Словно, про себя промолвила хозяйка, со всеми признаками глубочайшего внимания остановившаяся у двери. — Слово какое спасительное скажет, — а мне, бабе, и невдомек! — Она проворно вышла.

В перегородке была щель; я приложился к ней глазом. Юродивый сидел на лавке ко мне задом: я видел только его громадную, как пивной котел, косматую голову, да широкую, сгорбленную спину под заплатанным мокрым рубищем. Перед ним на земляном полу, стояла, на коленях тщедушная женщина в старом, тоже мокром, мещанском шушуне с темным платком, надвинутым на самые глаза. Она силилась стащить сапог с ноги, юродивого, пальцы ее скользили по загрязненной, осклизлой коже. Хозяйка стояла возле нее со сложенными на груди руками и благоговейно взирала на

«божьего человека». Он по-прежнему бурчал какие-то невнятные речи.

Наконец женщине в шушуне удалось сдернуть сапог. Она чуть навзничь не упала, однако справилась и принялась разматывать онучи юродивого. На подъеме ноги оказалась рана... Я отвернулся.

— Чайком не прикажешь ли попотчевать, родимый? — слышался подобострастный голос хозяйки.

— Что выдумала! — отозвался юродивый, — Грешное тело баловать... Охо-хо! Все кости ему сокрушить... а она — чай! Ох, ох, старица почтенная, сатана в нас силен! На него глад, на него хлад, на него хляби небесные, дожди проливные, пронзительные, а он ничего, живуч! Помни день покровы богородицы! Будет тебе, будет много!

Хозяйка легонько даже ахнула от удивления.

— Только ты слушай меня! Все отдай, голову отдай, рубаху отдай! И просить не будут, а ты отдай! Потому, бог видит! Али крышу долго разметать? Дал он тебе, милостивец, хлеба, ну и сажай его в печь! А он все видит! Ви... и... ди... ит! Глаз в треугольнике чей? сказывай... чей?

Хозяйка украдкой перекрестилась под косынкой.

— Древний враг, адамант! А... да... мант! А... да... мант, — повторил несколько раз юродивый со скрежетом зубов, — Древний змий! Но да воскреснет бог! Да

воскреснет бог и расточатся врази его! Я всех мертвых призову! На врага его пойду... Ха-ха-ха! Тьфу!

— Маслица нет ли у вас, — произнес другой, едва слышный голос, — дайте на ранку приложить... Тряпочка у меня чистая, есть.

Я снова глянул сквозь щель: женщина в шушуне все еще возилась с больной ногой юродивого. «Магдалина!» — подумал я.

— Сейчас, сейчас, голубушка, — промолвила хозяйка и, войдя ко мне в комнату, достала ложечкой масла из лампадки перед образом.

— Кто это ему прислуживает? — спросил я.

— А не знаем, батюшка, кто такая; тоже спасается, чай, грехи заслуживает. Ну да уж и святой же человек!

— Акулинушка, чадушко мое милое, дочка моя любезная, — твердил между тем юродивый и вдруг заплакал.

Стоявшая перед ним на коленях женщина возвела на него свои глаза. Боже мой, где видел я эти глаза?

Хозяйка подошла к ней с ложечкой масла. Та кончила свою операцию и, поднявшись с полу, спросила, нет ли чистого чуланчика да сенца немного... «Василий Никитич на сене почивать любит», — прибавила она.

— Как не быть, пожалуйста, — отвечала хозяйка, — пожалуй, родименький, — обратилась она к юродивому, — обсушись, отдохни.

Тот закричал, медлительно поднялся с лавки — его вериги опять звякнули — и, обернувшись ко мне лицом и поискав образов глазами, начал креститься большим крестом наотмашь.

Я тотчас узнал его: это был тот самый мещанин Василий, который некогда показал мне моего покойного гувернера! Черты его мало изменились; только выражение их стало еще необычнее, еще страшнее... Нижняя часть опухшего лица обросла взъерошенной бородою. Оборванный, грязный, одичалый, он внушал мне еще больше отвращения, чем ужаса. Он перестал креститься, но продолжал блуждать бессмысленным взором по углам, по полу, словно ждал чего-то...

— Василий Никитич, пожалуйста, — промолвила с поклоном женщина в шушуне. Он вдруг взмахнул головой и повернулся, да запутался ногами, зашатался... Спутница его тотчас к нему подскочила и поддержала его под мышку. Судя по голосу да по стану, она казалась еще молодой женщиной: лица ее почти невозможно было видеть.

— Акулинушка, друг! — проговорил еще раз юродивый каким-то потрясающим голосом и, широко раскрыв рот и ударив себя кулаком в грудь, простонал глухим, со дна души поднявшимся стоном. Оба вышли из комнаты: вслед за хозяйкой.

Я лег на свой жесткий диван и долго размышлял о том, что видел. Мой магнетизер стал окончательно

юродивым. Вот куда повернула его та сила, которую нельзя было не признать в нем!

На следующее утро я собрался в путь. Дождь лил повчерашнему, но я не мог далее мешкать. На лице моего слуги, подававшего мне умываться, играла особенная, сдержанно-насмешливая улыбочка. Я хорошо понимал эту улыбочку: она обозначала, что слуга мой узнал что-нибудь невыгодное или даже неприличное насчет господ. Он, видимо, сгорал нетерпением сообщить мне это.

— Ну, что такое? — спросил я наконец.

— Вчерашнего юродивца изволили видеть? — немедленно заговорил мой слуга.

— Видел; что же далее?

— А товарку ихнюю тоже видели-с?

— Видел и ее.

— Она-с барышня; дворянского происхождения.

— Как?

— Истину вам докладываю-с; купцы сегодня из Т... проезжали; признали ее. Фамилию даже называли: только я запомнил-с...

Меня как молнией осветило.

— Юродивый еще здесь или уже ушел? — спросил я.

— Кажись, еще не уходил. Давеча сидел под воротами и мудреное такое творил, что и постигнуть невозможно. Благует с жиру; потому выгоду в том себе находит.

Слуга мой принадлежал к тому же разряду образованных дворовых, как и Ардалион.

— И барышня с ним?

— С ними-с; дежурят тоже.

Я вышел на крыльцо и увидел юродивого. Он сидел на лавочке под воротами и, упершись в нее обеими ладонями; раскачивал направо и налево понуренную голову, — ни дать ни взять дикий зверь в клетке. Густые космы курчавых волос закрывали ему глаза и мотались из стороны в сторону так же, как и отвисшие губы. Странное, почти нечеловеческое бормотание вырывалось из их. Спутница его только что умылась из висевшего на жердочке кувшинка и, не успев еще накинуть платок себе на голову, пробиралась назад к воротам по узкой дощечке, доложенной через темные лужицы навозного двора. Я взглянул на эту, теперь со всех сторон открытую, голову и невольно всплеснул руками от изумления: предо мной была Софи В.!

Она быстро обернулась и уставила на меня свои голубые, по-прежнему неподвижные глаза. Она очень похудела, кожа загрубела и приняла изжелта-красный оттенок загара, нос заострился, и губы обозначились резче. Но она не подурнела; только к прежнему задумчиво-изумленному выражению присоединилось другое, решительное, почти смелое, сосредоточенно-восторженное выражение. Детского в этом лице уже не оставалось ни следа.

Я приблизился к ней.

— Софья Владимировна, — воскликнул я, — неужели это вы? В этом платье... в этом обществе...

Она вздрогнула, еще пристальнее взглянула на меня, как бы желая узнать, кто с ней заговаривает, и, не ответив мне ни слова, так и бросилась к своему товарищу.

— Акулинушка, — залепетал он, тяжело вздохнув, — грехи наши, грехи...

— Василий Никитич, идемте сейчас! Слышите, сейчас, сейчас, — промолвила она, одной рукой надергивая платок себе на лоб, а другой подхватывая юродивого под локоть, — идемте, Василий Никитич. Здесь опасно.

— Иду, матушка, иду, — покорно ответил юродивый и, перегнувшись всем телом вперед, приподнялся с лавочки. — Вот только цепочечку-то подвязать...

Я еще раз подошел к Софье и назвал себя, я начал умолять ее выслушать меня, сказать мне одно слово, я указывал ей на дождь, который полил как из ведра, я попросил ее пощадить собственное здоровье, здоровье ее товарища, я упомянул об ее отце... Но ею овладело какое-то злое, какое-то беспощадное одушевление. Не обращая на меня никакого внимания, стиснув зубы и прерывисто дыша, она вполголоса, короткими, повелительными словами понукала растерявшегося юродивого, подпоясала его, подвязала его вериги, нахлобучила ему на волосы суконный детский картуз с

изломанным козырьком, всунула ему палку в руку, накинула самой себе на плечи котомку и вышла с ним за ворота, на улицу... Остановить ее силой я не имел права, да оно ни к чему бы и — не послужило; а на последний мой отчаянный возглас она даже не обернулась. Поддерживая «божьего человека» под руку, она проворно шагала по черной удачной грязи, и чрез несколько мгновений, сквозь тусклую мглу туманного утра, сквозь, частую сетку падавшего дождя, в последний раз мелькнули предо мною обе фигуры, юродивого и Софи... Они завернули за угол выдавшейся избы и исчезли навсегда.

Я вернулся к себе в комнату. Раздумье нашло на меня. Я ничего не понимал; я не понимал, как могла такая хорошо воспитанная, молодая, богатая девушка бросить все и всех, родной дом, семью, знакомых, махнуть рукой на все привычки, на все удобства жизни, и для чего? Для того, чтобы пойти вслед полусумасшедшему бродяге, чтоб сделаться его прислужницей? Ни на одно мгновение нельзя было остановиться на мысли, что поводом к подобному решению была сердечная, хоть и извращенная склонность, любовь или страсть... Стоило взглянуть на отталкивающую фигуру «божьего человека», чтоб тотчас выкинуть подобную мысль из головы! Нет, Софи осталась чистой; и, как она однажды сказала мне, для нее не было ничего нечистого. Я не понимал поступка Софи; но я не осуждал ее, как не осуждал впоследствии других девушек, так же

пожертвовавших всем тому, что *они* считали правдой, в чем *они* видели свое призвание. Я не мог не сожалеть, что Софи пошла именно *этим* путем, но отказать ей в удивлении, скажу более, в уважении, я также не мог. Недаром она говорила мне о самоотвержении, об уничтожении... у *ней* слова не рознились с делом. Она искала наставника и вождя, и нашла его... в ком, боже мой!

Да, она заставила топтать, попирать себя ногами... В последствии времени до меня дошли слухи, что семье удалось наконец отыскать заблудшую овцу и вернуть ее домой. Но дома она прожила недолго и умерла «молчальницей», не говорившей ни с кем.

Мир сердцу твоему, бедное, загадочное существо! Василий Никитич, вероятно, до сих пор юродствует; железное здоровье подобных людей поистине изумительно. Разве падучая его сломила.

Примечания

1. ↑ Впервые — в журнале [«Вестник Европы»](#), 1870, № 1, с. [66—85](#).
2. ↑ лат. *quasi* — якобы.

Об этом электронном издании

Эта книга из [Викитеки](#)^[1] — цифровой библиотеки, созданной добровольцами и включающей издания всех типов: прозы, стихов, журналов, писем...

Книги библиотеки доступны бесплатно. В библиотеку включаются издания, находящиеся в народном достоянии, а также опубликованные со свободной лицензией. Вы вправе использовать эту электронную книгу в любых целях (включая коммерческую) при условии соблюдения лицензии [CC BY-SA 4.0](#)^[2] или [GNU FDL](#)^[3] на ваш выбор.

Викитека приветствует новых участников. При создании этой книги мы могли сделать ошибки. Вы можете сообщить о них на [этой странице](#)^[4].

Следующие участники внесли вклад в редакцию этой книги:

- ChVA
- Sergey kudryavtsev
- ChVABOT

- CandalBot

-
1. [↑ http://wikisource.org](http://wikisource.org)
 2. [↑ http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0](http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0)
 3. [↑ http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html](http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html)
 4. [↑ https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум](https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум)